

Заботы о военно-плѣнныхъ и между-народное право.

Заботы о нашихъ плѣнныхъ, которые томятся въ лагеряхъ Германіи и Австро-Венгріи, есть дѣло непосредственнаго чувства, настолько очевидное и простое, что нѣтъ надобности доказывать его нравственную обязательность. Столь же безспорно значеніе того, въ какомъ состояніи вернутся наши плѣнные по окончаніи войны на родину: вынесутъ ли они воспоминанія о нашемъ къ нимъ вниманіи и участіи или забудутъ лишь помнить, какъ они мѣсяцы и годы оставались заброшенными, не получающими никакой матеріальной или моральной поддержки съ родины. Простой утилитарный расчетъ остающихся идетъ здѣсь навстрѣчу непосредственному голосу сердца. Но забота о военноплѣнныхъ имѣетъ и другое, если угодно, болѣе отвлеченное значеніе, которое не должно быть забываемо.

Мы часто говоримъ, что современная война показала крайнюю слабость международнаго права. Тамъ, гдѣ все рѣшается соображеніями государственной необходимости, гдѣ во имя этой необходимости не только нарушаются договоры, но забываются законы божескіе и человѣческіе, тамъ трудно сохранить вѣру въ это право, о которомъ и среди юристовъ не конченъ споръ: представляетъ ли оно собой настоящее право? Думается, однако, что не слѣдуетъ здѣсь слишкомъ поддаваться впечатлѣніямъ переживаемой минуты. Если опустошена Бельгія и потоплена „Лузитанія“, то не надо забывать, какую реакцію не только нравственнаго, но и правового чувства вызвали эти дѣйствія Германіи въ нейтральныхъ странахъ. Обнаруживалось безспіе международныхъ правовыхъ обязательствъ, но обнаружили всѣ гибельныя послѣдствія подоб-

наго безсилія. Тотъ, кто вѣритъ въ правовой культурный процессъ человѣчества, не можетъ сомнѣваться, что рано или поздно переживаемыя великія потрясенія правовой культуры приведутъ къ ихъ новому созиданію. Но во всякомъ случаѣ: европейскіе народы должны будутъ обосновать свое общеніе на новыхъ болѣе прочныхъ началахъ. Рано или поздно найдены будутъ средства ограничить растуція вооруженія, способы мирнымъ путемъ разрѣшать самые опасные конфликты, осуществится то, чего не могли выполнить первая и вторая гаагская конференція. Рядомъ съ этими основами будущаго международнаго правового общенія явятся и другія, касающіяся менѣе сложныхъ проблемъ, но столь же необходимыя. Можно быть увѣреннымъ, что опыты нынѣшней войны не останутся безъ вліянія и на право военнопленныхъ.

Собственно говоря, теоретически это право и теперь принадлежитъ къ болѣе передовымъ областямъ международнаго права. Широкія и гуманныя начала были здѣсь провозглашены французской революціей, которая вообще внесла первоначально въ международный оборотъ извѣстный идеализмъ (все ея отношеніе къ иностранцамъ, уничтоженіе *droit d'aubain* и т. п.). Декреты 1792 г. о положеніи и обмѣнѣ военнопленныхъ предвосхищаютъ многія статьи брюссельской и гаагской деклараціи. Эти начала повторялись на международныхъ конференціяхъ и получили законченное выраженіе въ томъ кодексѣ правилъ, который приняла вторая гаагская конференція. Наконецъ, они отразились и во внутреннемъ законодательствѣ отдѣльныхъ государствъ, среди коихъ,—мы можемъ это утверждать со справедливой гордостью,—русское законодательство о военнопленныхъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Достаточно съ этой стороны указать на нынѣ дѣйствующее Положеніе о военнопленныхъ 7 октября 1914 г., которое отстываетъ отъ гаагскихъ постановленій лишь въ вопросѣ объ оплатѣ труда военнопленныхъ.

Практика, къ сожалѣнію, здѣсь часто совершенно не похожа на теорію. Данныя о судьбѣ нашихъ военнопленныхъ въ Германіи и Австро-Венгріи показываютъ прежде всего, что она весьма разнообразна. Уровень матеріальныхъ и моральныхъ лишеній въ различныхъ лагеряхъ очень различенъ, и можно думать, что то поистинѣ возмутительное обращеніе, которому подвергаются наши пленныя въ нѣкоторыхъ изъ

этих лагерей, зависит не столько отъ общихъ предуказаній свыше, сколько отъ мѣстныхъ властей. Вѣдь даже извѣстныя правила германскаго генеральнаго штаба, вообще столь мало соотвѣтствующія современнымъ международно-правовымъ воззрѣнιάмъ и началамъ, здѣсь значительно менѣе съ ними расходятся, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. Въ этомъ смыслѣ режимъ русскихъ плѣнныхъ въ Японіи былъ гораздо болѣе однообразнымъ. Современная война показала, что нужно не столько измѣненіе нормъ, уже признанныхъ въ международномъ оборотѣ, сколько ихъ лойяльное соблюденіе.

Главное условіе подобнаго соблюденія, а также и общаго развитія относящихся сюда международныхъ правовыхъ нормъ заключается въ живомъ сознаніи ихъ необходимости. Вѣдь всякое право дѣйственно, по сколько оно идетъ навстрѣчу личной или коллективной потребности,—и международное право не составляетъ здѣсь исключенія. Тамъ, гдѣ бремя милитаризма еще не ощущается, какъ невыносимая тягость, тамъ проекты ограниченія вооруженій и обязательнаго арбитража имѣютъ мало шансовъ на успѣхъ. Тамъ, гдѣ къ участи своихъ военно-плѣнныхъ, томящихся на чужбинѣ, граждане государства, ведущаго войну, относятся равнодушно, тамъ и лучшія правовыя предписанія, подобныя постановленіямъ второй гаагской конференціи, проходятъ, такъ сказать, мимо жизни. Здѣсь еще можетъ не быть подлинной борьбы за право, творческое значеніе которой изображалъ Иерингъ. Каждый отдѣльный членъ государственнаго союза слишкомъ отрѣзанъ отъ международного оборота. Но по крайней мѣрѣ и нужно, чтобы мы чувствовали нарушеніе права, какъ нѣчто затрогивающее непосредственный міръ нашихъ отношеній и общеній съ людьми.

Необходимо сокрушеніе насильническаго милитаризма, такъ ярко представленнаго въ настоящее время въ Германіи. Это, конечно, главная цѣль, но даже ея достиженіе еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, какъ организуется общеніе народовъ послѣ войны. Можно быть лишь увѣреннымъ, что творчество мысли и дѣла прежде всего направятся въ тѣ области, гдѣ особенно болѣзненно за послѣднее время люди чувствовали свою слабость передъ фактомъ грубой силы. Но чувствовали не только платонически, а старались восполнить эту слабость собственными усиліями. Если положеніе русскихъ военноплѣнныхъ въ

Германиі тяжело, а иногда бываетъ ужасно, и если оно насъ дѣйствительно затрогиваетъ, психологически необходимы какія-то дѣйствія—хотя бы единственно намъ доступныя мѣры противъ того, чтобы русскіе солдаты менѣе голодали и менѣе мерзли. Если въ отвѣтъ на разоблаченія нѣтъ даже такихъ простыхъ выраженій нашего интереса къ судьбѣ плѣнныхъ, значитъ, дѣйствительно высокіе принципы международнаго права въ этой области суть чисто отвлеченныя построенія, не коренящіяся въ жизненныхъ потребностяхъ.

Мы знаемъ, насколько болѣе благопріятно положеніе плѣнныхъ французовъ или англичанъ, чѣмъ русскихъ, и ясно представляемъ себѣ, какія тяжелыя переживанія выпадаютъ на долю нашихъ плѣнныхъ, передъ глазами которыхъ проходитъ это различіе. Надъ послѣднимъ нужно задуматься. Оно недостойно съ точки зрѣнія достоинства Россіи. Но, кромѣ того, съ нашими союзниками мы связаны не только политическими интересами данной минуты. Насъ объединяетъ общая миссія, во имя которой вообще въ современную войну подали другъ другу руки люди столь различныхъ политическихъ убѣжденій, социальныхъ положеній, столь различные по своему прошлому и по своимъ взглядамъ и упованіямъ на будущее. Одушевляющій источникъ этого единенія—вѣра въ право, какъ между отдѣльными людьми, такъ и между народами. Право не есть только отвлеченная система или доктрина, не есть только благое желаніе: оно станетъ могущественной реальностью. Насилію не предуготовано конечнаго торжества. Наличность или отсутствіе этой вѣры—вотъ чѣмъ раздѣляются въ идеальномъ смыслѣ народы, участники современной войны и ихъ противники. Россія въ своемъ прошломъ не разъ выказывала глубокое и искреннее признаніе передовыхъ началъ международнаго права. Это признаніе иногда какъ-то странно не согласовалось съ слабымъ проникновеніемъ правовыхъ началъ въ нашу внутреннюю жизнь. Теперь въ общеніи съ своими союзниками она готовится среди кажущагося уничтоженія международнаго права грядущій его расцвѣтъ. Всякое проявленіе нашего интереса къ военнопленнымъ, всякое выраженіе симпатіи и солидарности, всякое затраченное здѣсь усиліе приближаетъ насъ къ этому грядущему порядку.

Кажется чѣмъ-то искусственнымъ говорить о принципиальномъ правовомъ значеніи дѣйствій, подобныхъ послыжкѣ суха-

рей или теплой одежды. Но принципиальное в истории такъ часто скрывается въ матеріалъ обыденной жизни съ ея радостями и печалями, съ ея маленькими проявленіями добра и зла. Мы видимъ, какъ переплелись сеічасъ это обыденное и трагическое. Среди стихійной борьбы мы особенно явственно чувствуемъ смыслъ личнаго добраго порыва, личнаго усилія. Сумѣемъ съ полнотью оцѣнить его и въ этой области заботь о „жертвахъ войны“.

С. Котляревскій.
